

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.7>

UDC 94(575.4)

LBC 63.3(2)5

Submitted: 15.12.2024

Accepted: 30.03.2025

UYGHURS BETWEEN ECONOMY AND JUSTICE: AN EPISODE FROM THE HISTORY OF THE MURGHAB SOVEREIGN'S ESTATE

Dmitry V. Vasilyev

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. Based on archival materials of the Department of Appanages of the Ministry of the Imperial Court and Appanages, the social history of the Murghab Sovereign's Estate is examined in the context of the fate of the Uyghurs. They were invited to participate in the construction of the Sultanbent dam. *Methods and materials.* The study is based on unpublished sources from the Russian State Historical Archive. *Analysis.* The office documents, as well as complaints from Uyghurs and materials of internal investigations, were analyzed. It was revealed that the Uyghurs were invited to permanently settle in the Murghab estate on preferential terms. However, the promises were not fulfilled. It was investigated that the reason for this was a change in the planning of land irrigation and a periodic increase in rent from farmers. The Uyghurs were forced to engage in various jobs in the Transcaspian Province in order to ensure their existence. The Main Administration of Appanages tried to find a solution to the issue. In the end, it was decided to destroy the Uyghur community and conclude ordinary lease agreements with the Uyghurs. *Results.* When the Murghab Sovereign's Estate was established, the task was to make it economically efficient in order to replenish the state treasury. The activities of the estate administration and of the main administration of appanages were aimed at extracting maximum profit from the estate's economy. The transfer of the Uyghurs to ordinary lease agreements was entirely consistent with the requirements of a capitalist economy. *Funding.* The study is supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-00915, <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, implemented at the Russian Academy of Entrepreneurship.

Key words: Murghab Sovereign's Estate, Merv oasis, Taranchi, Uyghurs, irrigation, Sultanbent, Turkmen, Central Asia.

Citation. Vasilyev D. V. Uyghurs Between Economy and Justice: An Episode from the History of the Murghab Sovereign's Estate. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 74-83. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.7>

УДК 94(575.4)

ББК 63.3(2)5

Дата поступления статьи: 15.12.2024

Дата принятия статьи: 30.03.2025

УЙГУРЫ МЕЖДУ ЭКОНОМИКОЙ И СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ: ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ МУРГАБСКОГО ГОСУДАРЕВА ИМЕНИЯ

Дмитрий Валентинович Васильев

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Введение. На основе архивных материалов Департамента уделов Министерства императорского двора и уделов рассматривается социальная история Мургабского государева имения в контексте судьбы уйгуров, приглашенных для участие в строительстве плотины Султанбент. *Методы и материалы.* Исследование основано на неопубликованных источниках из Российского государственного исторического архива. *Анализ.* Проанализированы делопроизводственные документы, а также жалобы уйгуров и материалы внутренних расследований. Выявлено, что уйгуры были приглашены на постоянную оседлость в Мургабском имении на льготных условиях. Однако обещания не были выполнены. Установлено, что причиной этого стали изменения планов орошения земли и периодическое повышение арендной платы с земледельцев. Уйгуры вынуждены были заниматься различными промыслами в Закаспийской области для того, чтобы обеспечить свое существование. Главное управление уделов пыталось найти решение вопроса. В конце

концов было решено разрушить уйгурскую общину и заключить с уйгурами обыкновенные арендные договоры. *Результаты.* При учреждении Мургабского государева имения была поставлена задача сделать его экономически эффективным с целью пополнения государственной казны. На строительство водохранилищ и ирригационных сооружений были затрачены огромные финансовые ресурсы. Деятельность администрации имения и Главного управления уделов была направлена на извлечение максимальной прибыли из хозяйства имения. Ради этого периодически повышалась арендная плата. При таких обстоятельствах власти не могли создавать привилегированные условия для значительной доли населения и сокращать возможность извлекать дополнительные доходы. Разрушение общины уйгуров и перевод их на обыкновенные договоры аренды вполне соответствовали требованиям капиталистической экономики. *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00915, <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, реализуемого в Российской академии предпринимательства.

Ключевые слова: Мургабское государево имение, Мервский оазис, таранчи, уйгуры, ирригация, Султанбент, туркмены, Центральная Азия.

Цитирование. Васильев Д. В. Уйгуры между экономикой и справедливостью: эпизод из истории Мургабского государева имения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 74–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.7>

Введение. Мургабское государево имение было создано в 1887 г. в неорошаемой части Мервского оазиса на стыке афганской и персидской границ с целью ее заселения земледельцами, которые бы обеспечили закрепление за Россией этой стратегически важной для империи территории. Самой большой проблемой при этом стало создание мощной оросительной системы, которая могла бы вдохнуть жизнь в некогда цветущую землю. А для этого требовались значительные средства, отсутствовавшие в государственной казне. И тогда было принято решение осуществить грандиозные планы за счет Департамента уделов с тем, чтобы возрожденный оазис со временем не только вернул затраченные на него средства, но и стал бы одним из источников пополнения Государственного казначейства. Иными словами, экономическая эффективность государева имения (получение чистой прибыли) изначально была заявлена в качестве одного из приоритетов его существования.

Другим приоритетом должна была стать колонизация имения опытными сельскохозяйственными производителями из числа русских и коренных жителей Центрально-Азиатского региона [2]. Одним из принципов учреждения имения стало невмешательство в земле- и водопользование туркмен. Можно сказать, что при создании имения государство в некоторой степени учитывало принцип социальной справедливости в том значении, которое мы придаем этому понятию сегодня.

Обращаясь к Мургабскому государеву имению, трудно обойти вниманием вопрос соотношения экономического и социального, которые тесно переплетались в его истории с самого момента его учреждения. Приглашенным для участия в строительстве амбициозной плотины, призванной оросить не менее 150 000 дес. мертвой земли, таранчам (совр. – уйгурам), оказавшимся на территории Семиреченской области после возвращения Китая Илийского края [3], были обещаны земли в потомственное пользование на льготных условиях.

Целью настоящей статьи является исследование вопроса о том, как сложилась судьба уйгуров в Мургабском государевом имении в условиях провала первоначального плана его орошения. Это тем более важно, что дает понять, какая цель в этом случае оказалась для Российской империи более важной – социальная или экономическая.

Историография. Среди совсем небольшого числа работ, освещающих историю Мургабского государева имения, следует назвать монографию М.Н. Тихомирова, который первым в отечественной исторической науке обратил внимание на имение, посвятив ему небольшой обобщающий параграф, чрезвычайно кратко характеризующий имение как «колониальное» предприятие [25]. Социальные аспекты истории Мургабского имения наиболее полно рассмотрены в книге Н.Н. Каноды [10]. В ней упоминается и история с уйгурами, но, ввиду неполноты источниковой базы,

сохранившейся в архивах Туркменистана, Н. Канода не смогла исследовать эту проблему детально. В современной зарубежной историографии тема Мургабского имения отчасти затрагивается в работе Дж. Китинг [26], в которой автор почти не касается социальных аспектов. Вопрос заселения территории имения, который можно рассматривать в качестве прелюдии к настоящей статье, освещен в другой публикации автора [1].

Методы и материалы. В методологическом отношении статья написана в контексте социальной истории, получившей мощное развитие в советский период отечественной историографии, а сегодня прекрасно поддержанной Б.Н. Мироновым [11].

Источниками являются материалы, хранящиеся в фонде 515 Российского государственного исторического архива (Главное управление уделов Министерства императорского двора), которые распадаются на две группы. Первую составляют документы, в которых сформулированы принципы колониационной политики, а вторую – материалы внутреннего разбирательства, касающегося права уйгур на льготное землепользование (жалобы и ответы на них удельного начальства). Сопоставление этих документов позволяет представить реальную направленность социальной политики администрации Мургабского государства имения.

Хронологические рамки статьи – 1890–1899 гг., после которых положение уйгуров несколько меняется. И это может стать предметом другого исследования.

Анализ. Известно, что осенью 1889 г. в Мургабском государевом имении работала комиссия Департамента уделов во главе с помощником управляющего Н.А. Вагановым. Итогом ее работы стала разработка Основных положений по устройству и колонизации Мургабского государева имения [13], принципиальные моменты которых получили высочайшее утверждение 2 марта 1890 года. В числе наиболее желательных поселенцев в имении были названы дунгане и уйгуры из Семиреченской области, кашгарцы из Китайского Туркестана [4, л. 135 об.]. Перед потенциальными жителями имения стояли задачи возделывания орошаемых земель и участие в строительстве Султанбентской плотины,

которая как раз и должна была стать основой новой оросительной системы.

Ожидая окончания работ на Султанбенте осенью 1890 г., управляющий Мургабским имением Н.А. Лутцау в самом начале того же года обратился к управляющему Департаментов уделов с просьбой разрешить вывезти из Семиреченской области 250 семей таранчей, дунган и кашгарцев, а также 500 холостых рабочих тех же народностей. Управляющий Уделами тайный советник П.А. Рихтер поддержал это предложение и направил в Семиреченскую область Н. Лутцау [14], который предложил проживавшим там представителям названных народов следующие условия их переселения на Мургаб.

Холостых уйгуров и кашгарцев планировалось набрать поровну на простые работы в имение с оплатой 10 руб. в месяц. А 250 семейных уйгуров предполагалось привлечь к работам в имении с оплатой от 10 до 15 рублей. Перевозка уйгурами грузов внутри имения была оценена в 15 руб. в месяц. Обоз, с которым переселенцы направлялись в имение, должен был быть также принят на работы. Перед отправкой на Мургаб желающие должны были получить заимообразно деньги для погашения казенных обязательств перед выпускающими обществами, а также необходимые средства для переезда и обустройства на месте. Возврат этих пособий планировалось растянуть на 2–3 года [15, л. 133 об. – 134]. Управляющий имением гарантировал своим будущим подопечным, что по завершении строительства плотины уже осенью 1890 г. «каждая семья... будет наделена четырьмя десятинами земли в бессрочное потомственное пользование из платежа за таковое пользование ежегодного хераджа или подати в размере десятой части урожая, взимаемой натурой» [15, л. 134].

Как позднее свидетельствовали переселенцы, им были обещаны разные льготы и преимущества: «устроить... на отдельных для каждого поселенца усадьбах жилые дома со всеми службами и хозяйственными приспособлениями, отвести для каждого домохозяина определенные участки земли с правом обрабатывать их из $\frac{1}{9}$ части урожая, или же за плату по 5 руб. за десятину деньгами. Для надобностей орошения... полей обещано было

всегда в достаточной мере снабжать... водой, что давало бы... возможность заблаговременно определить зимний и летний посев, посадку деревьев, разведение фруктовых садов, винограда и т. п.» [12, л. 19 об.].

Что же оказалось на деле. По сведениям мургабской администрации, в усадьбу имения Байрамали прибыли 142 [20, л. 5] (а не 250) семьи уйгуров, которые встретил новый управляющий имением полковник Н.А. Кашталинский. Он тотчас отправил их на работы по строительству Султанбентской плотины. А вот их обоз оказался невостребованным начальством, и содержание скота пало на долю переселенцев. Заработная плата при этом оказалась ниже объявленных условий. Когда строительство завершилось, полковник Кашталинский заявил, что официальное обещание его предшественника о выделении каждой семье по 4 дес. в бессрочное потомственное пользование с условием внесения $\frac{1}{10}$ части урожая натурой не имеет никакой силы и отказался от его исполнения.

Естественно, такое решение возмутило уйгуров, бежавших в свое время от произвола китайских чиновников, а позднее побросавших свои хозяйства в Семиречье, поддавшись на уговоры представителя Департамента уделов. Теперь их надежда на получение привилегированных наделов вслед за возведением плотины рухнула. Попытки восстановить справедливость были тщетными. Местные власти (уездная администрация) были не в состоянии оказать какое-либо влияние на чиновников Департамента уделов. Этим дело не ограничилось. После разрушения отстроенной плотины управляющий имением объявил уйгурам, что теперь для них вообще нет места в имении, и потребовал незамедлительно покинуть его территорию. И они занялись поиском средств к существованию на просторах Мервского уезда.

Но тут началось строительство новой Гиндукушской плотины. Уйгуры предложили свои услуги инженеру Ю.С. Андрееву. Тот согласился принять их на работу за меньшую в сравнении с другими плату, обосновав это личной заинтересованностью уйгур в результатах своего труда. И те «с радостью приступили к работе; работали вместе с детьми день и ночь на лошадях и пешими» [5, л. 127 об. – 128]. По

успешному окончанию работ и пуску воды в каналы, уйгуры вновь обратились к полковнику Кашталинскому с просьбой о выполнении первоначальных условий. Ответ управляющего, как можно догадаться, почти ничем не отличался от прежнего. «Но, – как свидетельствовали позднее уйгуры, – на этот раз, не выгоняя нас из Мургабского... имения, предложил отвести нам землю с тем, что за пользование ею с нас будет взиматься ежегодно не десятая, а четвертая часть дохода. Сознывая полную свою беспомощность, мы просили г[осподина] Кашталинского с нас, как первых поселенцев прибывших сюда по настойчивому приглашению управления Мургабским имением, взимать... хотя бы пятую, а не четвертую часть дохода, но г[осподин] Кашталинский... объявил нам, что при отказе с нашей стороны брать земли на предложенных им условиях, он немедленно выдворит всех нас из имения. Потеряв уже земли в Семиречье, и не имея никаких средств возвратиться туда, мы были вынуждены согласиться на условие г[осподина] Кашталинского...» [5, л. 128–128 об.].

В 1901 г. Кашталинского сменил С.Ю. Толстой. Но и он не только не восстановил справедливость, но и усугубил положение уйгуров. Вместо четвертой части урожая, которая зависела от орошения и климатических условий, он установил твердую натуральную ставку: с десятины пшеницы – 25 пудов, с десятины ячменя – 35 пудов, с десятины хлопка – 27 пудов, а с десятины клевера денежную – 60 рублей.

Уйгуры могли согласиться на такое лишь при выделении им земли недалеко от канала при условии достаточного обеспечения водой. Управляющий С. Толстой предложил участок «Большой Чар», который нуждался в выравнивании и обводнении. И когда через полтора месяца уйгуры закончили все работы, прорыли арыки и были готовы начать сев, управляющий отказался дать воду: «Пусть ваши посевы останутся без поливов, ибо государству выгоднее сберечь 5 000 десятин пшеницы и ячменя теке-туркменам, чем ваши посевы, составляющие только незначительную часть сравнительно с посевами туркмен» [5, л. 129].

Оставшись без воды, уйгуры остались без пшеницы и ячменя. Спасти им удалось только хлопок, доход от продажи которого по-

шел на погашение задолженности перед имением за полученную для пропитания пшеницу [5, л. 129]. С. Толстой пообещал компенсировать убыток за счет имения, но вскоре был отозван в столицу. Сменивший его В.В. Дубасов отказался исполнять эту договоренность.

Сами уйгуры были убеждены в том, что новый управляющий самочинно отказал им в праве на потомственное пользование 4 дес. орошенной мургабской земли и «предложил взять в аренду участок в 850 десятин сроком на 36 лет с водою на 6 сотых куб. саж. в секунду по 15 рублей за десятину» [5, л. 129 об.]. На самом же деле он лишь исполнял предписание вышестоящего начальства, потребовавшего, кроме того, взимать с уйгуров с 1903 г. дополнительный сбор натурой в размере $\frac{1}{9}$ части урожая хлопка с десятины (24 руб.) с тем, чтобы они получали привилегии наравне с другими арендаторами – бесплатно получали семена, освобождались от платы мирабам¹, весового сбора и сбора на содержание дайханской конторы², безвозмездно получали мешки, пользовались бесплатной очисткой хлопка на заводе и возможностью ремонтировать сельскохозяйственные орудия в мастерских имения [24].

Справедливости ради следует заметить, что через год, судя по всему по инициативе С. Толстого, ставшего уже помощником начальника Главного управления уделов, сбор в $\frac{1}{9}$ часть урожая хлопка был отменен. Повышение цены на хлопок делало его внесение весьма обременительным для уйгуров (6 767,43 руб.). Было решено взимать компенсацию за выданные имением семена и денежный сбор в 23 коп. с пуда (всего 4 036,50 руб. за прием хлопка, содержание дайханской конторы и очистку хлопка на заводе) [7, л. 46–46 об.]. Фактически Уделы сохранили планировавшийся размер денежных поступлений, отказавшись от взимания арендной платы натурой. Не исключено, что «экономя» для уйгуров более 2 700 руб., С.Ю. Толстой имел в виду осуществленные ими затраты на оказавшиеся бессмысленными ирригационные работы.

Находясь в бедственном положении и не встречая сочувствия у новой администрации, уйгуры в конце концов решили просить выдать им деньги за сданный хлопок и вернуться в Семиреченскую область, что и было санкционировано Главным управлением уделов. Но

В. Дубасов всеми способами затягивал окончательное разрешение вопроса: не давал деньги ни за хлопок, ни на новый посев, без которого уйгуры вообще остались бы без средств к существованию [12, л. 21–21 об.].

Сам Дубасов сообщал в Петербург, что выступавший в этом споре от имени уйгуров поверенный Амир-Хамза Сатинов подговаривал своих доверителей непременно отказаться от нового посева и покинуть имение. В условиях затянувшегося конфликта 62 семейства решили приступить к посевным работам, отложив переезд на осень. Позже к ним присоединились и доверители Сатинова, которого управляющий имением подозревал в противоправном намерении стать комиссионером по сбыту уйгурского сырца и в желании поддержать свою адвокатскую практику [22, л. 27–28].

Тем не менее управляющий Дубасов был убежден в том, что уйгуры для имения являются обузой, а потому не был против их возвращения в Карасуйскую волость Верненского уезда. При этом считал необходимым выдать им деньги за хлопок осенью с вычетом накопившихся долгов и оказать содействие в переезде в Семиречье, дабы адвокат Сатинов не присвоил их деньги себе и желаемый всеми переезд состоялся [21, л. 38 об. – 39].

Пока шли препирательства, уйгуры смогли засеять лишь 117 дес. хлопком, а Дубасов изменил условия землепользования. Вместо 15 руб. за десятину с них стали требовать по 25 руб. за десятину, засеянную пшеницей и ячменем, 60 руб. за десятину под клевером и треть от собранного хлопка натурой [5, л. 128–129 об.]. Но они не сдавались. Отстаивая идею 36-летней аренды с оброком в 20 руб., уйгуры просили срок льготного платежа (15 руб.) растянуть на 6 лет, дать круглогодичный доступ к воде и предоставить им право устраивать мельницы, прессы и другие приспособления. Они хотели получить возможность свободно распоряжаться выращенным хлопком в случае досрочного внесения причитающейся арендной платы [9]. Названное косвенно свидетельствует о том, что услуги, предоставлявшиеся имением его арендаторам, больше походили на навязанное благо. Иначе не возникло бы желание строить собственные прессы и искать сторонних покупа-

телей для своего хлопка. Управление имением пользовалось своим правом монополиста ради извлечения дополнительной прибыли.

Надо отдать должное С. Толстому, который не оставлял без внимания своих бывших подопечных. Он менее предвзято оценивал роль Сатинова потому, что лучше В. Дубасова знал реальное положение вещей. За его подписью в 7 делопроизводстве Главного управления был подготовлен доклад, который предлагал «...управляющему Мургабским государевым имением заключить с таранчинским обществом формальный договор на сдачу ему в аренду 850 дес. земли, орошаемых из нового Эгиркаинского регулятора, сроком на 36 лет, считая с 1-го января 1904 года...» [8, л. 47].

Этот доклад и условия аренды были утверждены управляющим Уделами князем В.С. Кочубеем 23 марта 1904 года. Среди главных – арендная плата в 15 руб. на первые 4 года и 20 руб. за десятину в последующие. Как и другие арендаторы, уйгуры должны были сдавать весь собранный хлопок на хлопкоочистительный завод для обработки и последующей продажи вместе с удельным хлопком в Москву, внося кроме арендной платы еще 23 коп. с пуда на расходы имения по приемке и очистке хлопка, а также на содержание дайханской конторы. Хлопковые семена уйгуры должны были получать от имения по закупочной цене. Накопившиеся к тому времени долги перед имением (36 072,75 руб.) следовало уплатить в течение ближайших трех лет [8].

Реализация этих правил выпала на долю нового управляющего имением Ю.Д. Еремеева (с 1904 г.). Однако уйгуры вновь жаловались императору на то, что он ввел дополнительные сборы. А выдавая ссуды, в основном под посев хлопка, стал требовать уплату процентов [5, л. 129 об. – 130]. Но именно Ю. Еремееву удалось выяснить, что уйгуры оказались не так уж и чисты на руку (хотя, наверняка, их действия оправдываются необходимостью выживания в условиях ликвидации огромного долга перед имением). Управляющий Еремеев докладывал в Главное управление уделов:

«Осенью минувшего 1905 года было обнаружено, что некоторые домохозяева общества таранчей, заключившие, с разрешения

Главного управления уделов, с Управлением государственного имения долгосрочный (на 36 лет) контракт на аренду 850 дес. при 4-м регуляторе, начали тайно провозить собранный ими на арендуемой земле хлопок в гор[од] Мерв, не сдавая таковой, вопреки вышеназванному контракту, на завод имения для очистки.

При ближайшем расследовании этого обстоятельства выяснено, что 30 домохозяев названного общества, подстрекаемые известным кляузником Сатиновым, действительно часть своего урожая хлопка продали частным лицам в гор[одах] Мерве и Йолотане и сделали это с целью избежать уплаты своей доли рассроченного всему обществу долга имению, какового долга на 1-е января 1906 г. числилось за обществом 13 673 рублей. Независимо от сего, в течение двухлетнего периода аренды обществом таранчей земель государственного имения на изложенных в упомянутом контракте условиях, неоднократно усматривалось существенное нарушение последних обществом. Причем главную причину того следует приписать малочисленности членов общества, не соответствующей арендуемой ими земельной площади (850 дес.) и обусловившей необходимость общества приглашать разных субарендаторов для совместной эксплуатации арендуемого участка, чем, помимо коренного нарушения заключенного ими контракта, теряется основной смысл последнего» [23, л. 109–109 об.].

Исходя из этого, Ю. Еремеев предлагал существовавший контракт с обществом уйгуров расторгнуть и заменить его договорами с отдельными домохозяевами на общих с прочими арендаторами условиях, «с добавлением особых пунктов по улучшенным приемам культуры, а также с обязательством из первого урожая с[его] [1906] г[ода] уплатить по разверстке на каждого домохозяина-арендатора состоящий за таранчинским обществом долг имению, какового, за произведенными в январе месяце с[его] г[ода] уплатами, к настоящему числу числится всего 6 836 рублей» [23, л. 109 об.].

Управляющий имением свое мнение подкрепил прошением нескольких десятков домохозяев, которые готовы были отказаться от 36-летней аренды и перейти от

общественного к подворному землепользованию [17, л. 119].

В документах, связанных с уйгурским вопросом, сохранился рапорт агронома Н.М. Студенова, которому было поручено разбирательство по этому делу. Из документа следует, что в 1906 г. в имении состояло 111 уйгурских домохозяйств³, среди которых выделялись как экономически сильные, так и те, кто затягивал сельхозработы (либо вообще не желал заниматься хозяйством), и часть земли оставалась невозделанной. «Так как члены общества связаны круговой друг за друга порукой, то более состоятельным из них, как более трудолюбивым, приходится платить за менее трудолюбивых членов общества, что при большом проценте хозяев ленивых совсем разоряет людей трудолюбивых. В настоящем году... тридцать один домохозяин отказался заняться обработкой земли. Остальные восемьдесят хозяев рассчитали, что им всей площади не запахать, что при уплате в 1906 году арендной платы за всю арендуемую площадь, они не получают в свою пользу ни копейки, долг же их имению сильно возрастет. Вот та причина, которая окончательно парализовала хозяйство таранчей» [18, л. 111–112]. Параллельно их соплеменники, трудившиеся на собственных полях имения, демонстрировали при правильном землепользовании высокую доходность. 13 мая 1906 г. князь В. Кочубей разрешил осуществить предложение Ю. Еремеева об индивидуальных контрактах с уйгурами.

Известно, что в 1908 г. уйгуры все еще жаловались на свое бедственное положение и просили восстановить силу данных подполковником Н. Лутцау обещаний [5]. Их прошение на высочайшее имя от 30 июля 1908 г. (не исключено, что его появление было вызвано ревизией имения сенатором К.К. Паленом) было обнаружено в делах Управления Мургабским государевым имением. 18 сентября того же года оно было передано помощнику начальника Главного управления уделов С.Ю. Толстому. Следов дальнейшего движения этого прошения обнаружить не удалось ни тогда [19], ни сейчас.

В июле 1909 г. его копия была переслана вновь в Главное управление уделов, которое в январе этого года решило провести еще одну,

более глубокую, ревизию имения. Перед ней была поставлена задача – «исследование вопроса о пользовании землей таранчами с выяснением их положения в имении и степени основательности из жалоб» [16, л. 5]. Из этого можно сделать вывод, что прошение все-таки было принято во внимание, хотя и не попало на стол императора. Тем не менее в итоговом докладе ревизовавшего имение помощника начальника Главного управления уделов Н.П. Лихарева сведения об исполнении этого пункта предписания отсутствуют [6].

В итоге следует согласиться с утверждением адвоката Сатинова, что к концу первого десятилетия XX в. уйгуры из успешных земледельцев и старательных перевозчиков и хороших строителей превратились в нищих, вместо того, чтобы создать основу мургабских земледельцев. Все управляющие имением (за исключением подполковника Лутцау) фактически вели их к полному обнищанию.

Результаты. Конечно, можно винить круговую поруку и подозревать в лицемерии адвоката. Но следует признать, что ситуацию с уйгурами критично осложнил прорыв Султанбентской плотины, показавший невозможность орошения всей территории имения. С самого начала орошаемых земель стало не хватать. И естественно, что в условиях капиталистического производства непредвиденным лишениям подверглись те, кто не мог на прежних условиях быть полезным имению.

Оказавшись перед дилеммой всеми мерами обеспечивать прибыльность агропромышленного комплекса или терпеть убытки ради выполнения юридически не оформленных обещаний и реализации принципа социальной справедливости, администрация имения и Уделов выбрала первое. И это вполне соответствовало и до сих пор соответствует принципам рыночной экономики. Известно так же, что вплоть до ввода в строй Гиндукушской плотины (1895 г.) имение пользовалось водой, принадлежавшей, согласно высочайшей воле, исключительно коренным туркменам. Да и после этого, в условиях недостаточной мощности водохранилищ, имение отбирало у местных жителей значительную часть принадлежавшей им воды.

История с уйгурами в период становления имения (до 1909 г.) показывает, что экономические резоны взяли верх над заботой о выполнении прежних обещаний. Те, кто смог вписаться в новые капиталистические реалии, превратились в эффективных хозяйственников. Те же, кто рассчитывал на льготы и привилегии, вынужден был владеть жалкое существование и обращаться к властям безо всякой надежды на удачное разрешение конфликта. Экономические задачи превалировали над социальными целями. Уделы, заинтересованные в экономической эф-

фективности имения, не готовы были терпеть непроизводительные убытки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мираб – традиционно наблюдатель за распределением воды.

² Дайханская контора – учреждение, созданное в имении для упорядочения расчетов с субарендаторами исполщиками (дайханами).

³ Еще 18 семей работали издольщиками на собственных полях имения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев Д. В. Заселение территории Мургабского государственного имения и землепользование: планы и реальность // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 4 (56). С. 116–130. DOI: <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-116-130>
2. Васильев Д. В. Мургабское государственное имение: особенности экономического развития и процесса колонизации в конце 1880-х гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2024. № 4. С. 78–88.
3. Васильев Д. В., Асанова С. А. Приют для страждущих: миграция из Синьцзяна в Россию в 1860–1880-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22, № 1. С. 34–46. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-34-46>
4. Всеподданнейший доклад министра императорского двора и уделов. 1890 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 133–138.
5. Высочайшее прошение уполномоченных общества таранчей Мургабского государственного имения. 1908 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 126–131 об.
6. Доклад о ревизии Мургабского государственного имения. 1910 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 164. Л. 353–364 об.
7. Доклад по 7 делопроизводству Главного управления уделов. 18 марта 1904 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 46–46 об.
8. Доклад по 7 делопроизводству Главного управления уделов. 22 марта 1904 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 47–47 об.
9. Заявление доверенного арендаторов земель Мургабского государственного имения в Главное управление уделов. 1904 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 13–13 об.
10. Канода Н. Н. Аграрная политика царизма в Туркменистане (1881–1917 гг.). Ашхабад: Ылым, 1991. 222 с.
11. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дм. Буланин, 1999. Т. 2. 566 с.
12. Объяснение доверенного таранчей Амир-Хамзы Сатинова исправляющему должность начальника Главного управления уделов. 1904 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 19–22.
13. Основные положения по устройству и колонизации Мургабского государственного имения, выработанные комиссией под председательством помощника управляющего Департаментом уделов действительного статского советника Ваганова. 1889 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 67–71.
14. Отношение управляющего Департаментом уделов военному губернатору Семиреченской области. 1890 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 132.
15. Отношение управляющего Мургабским государственным имением военному губернатору Семиреченской области. 1890 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 133–134.
16. Программа подробной ревизии Мургабского государственного имения. 1909 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 164. Л. 5–6.
17. Прошение таранчинского общества при четвертом регуляторе. 1906 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 119–119 об.
18. Рапорт агронома Н.М. Студенова управляющему Мургабским государственным имением. 1906 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 111–118.

19. Рапорт исправляющего обязанности управляющего Мургабским государевым имением в Главное управление уделов. 1909 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 125.
20. Рапорт управляющего Мургабским государевым имением в Главное управление уделов. 1902 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 5–6.
21. Рапорт управляющего Мургабским государевым имением в Главное управление уделов. № 468. 1904 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 38–39.
22. Рапорт управляющего Мургабским государевым имением в Главное управление уделов. № 469. 1904 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 27–28.
23. Рапорт управляющего Мургабским государевым имением в Главное управление уделов. 1906 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 109–110.
24. Справка по 7 делопроизводству Главного управления уделов. 1903 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 8–9.
25. Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М.: Вост. лит., 1960. 239 с.
26. Keating J. On Arid Ground. Political Ecologies of Empire in Russian Central Asia. Oxford: Oxford U. P., 2022. 252 p.

REFERENCES

1. Vasilyev D.V. Zaselenije territorii Murgabskogo gosudareva imenija i zemlepolzovanie: plany i realnost [Land Use and Settlement of the Territory of the Murghab Sovereign's Estate: Plans and Reality]. *Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskiye nauki»* [MCU Journal of Historical Studies], 2024, no. 4 (56), pp. 116–130. DOI: <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-116-130>
2. Vasilyev D.V. Murgabskoje gosudarevo imenije: osobennosti ekonomicheskogo razvitija i protsessa kolonizatsii v kontse 1880-kh gg. [Murghab Sovereign's Estate: Features of Economic Development and the Process of Colonisation in the Late 1880s]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Journal of the Belarusian State University. History], 2024, no. 4, pp. 78–88.
3. Vasilyev D.V., Asanova S.A. Prijut dlja strazhdushchikh: migratsija iz Sintszjana v Rossiju v 1860–1880-kh gg. [Shelter for the Afflicted: Migration from Xinjiang to Russia in the 1860s – 1880s]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istorija Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2023, vol. 22, no. 1, pp. 34–46. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-34-46>
4. Vsepoddannejšij doklad ministra imperatorskogo dvora i udelov. 1890 g. [The Most Humble Report of the Minister of the Imperial Court and Appanages. 1890]. *Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arkhiv* (RGIA) [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 71, l. 133–138.
5. Vysočajsheje proshenije upolnomochennykh obščestva taranchej Murgabskogo gosudareva imenija. 1908 g. [The Highest Petition of the Authorized Representatives of the Murghab Sovereign Estate Taranchi Society. 1908]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 126–131 r.
6. Doklad o revizii Murgabskogo gosudareva imenija. 1910 g. [The Report on the Audit of the Murghab Sovereign's Estate. 1910]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 81, d. 164, l. 353–364 r.
7. Doklad po 7 deloproizvodstvu Glavnogo upravljenija udelov. 18 marta 1904 g. [The Report of the 7th Office of the Main Administration of Appanages. March 18, 1904]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 46–46 r.
8. Doklad po 7 deloproizvodstvu Glavnogo upravljenija udelov. 22 marta 1904 g. [The Report of the 7th Office of the Main Administration of Appanages. March 22, 1904]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 47–47 r.
9. Zaiavlenije doverennogo arendatorov zemel Murgabskogo gosudareva imenija v Glavnoje upravljenje udelov. 1904 g. [Statement of the Advocate of Tenants of the Murghab Sovereign's Estate to the Main Administration of Appanages. 1904]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 13–13 r.
10. Kanoda N.N. *Agrarnaja politika tsarizma v Turkmenistane (1881–1917 gg.)* [Agrarian Policy of Tsarism in Turkmenistan (1881–1917)]. Ashkhabad, Ylym Publ., 1991. 222 p.
11. Mironov B.N. *Sotsialnaja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): genezis lichnosti, demokratičeskoj semji, graždanskogo obščestva i pravovogo gosudarstva: v 2 t.* [Social History of Russia in the Imperial Period (18th – Early 20th Century). Genesis of the Individual, Democratic Family, Civil Society, and the Rule of Law. In 2 vols.]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 1999, vol. 2. 566 p.
12. Objasnenije doverennogo taranchej Amir-Khamzy Satinova ispravliaiushchemu dolžnost nachalnika Glavnogo upravljenija udelov. 1904 g. [Explanation of the Taranchi Advocate Amir-Khamza Satinov to the Acting Head of the Main Administration of Appanages. 1904]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 19–22.

13. Osnovnyje polozhenija po ustrojstvu i kolonizatsii Murgabskogo gosudareva imenija, vyrobotannye komissijej pod predsedatelstvom pomoshchnika upravljajushchego Departamentom udelov dejstvitelnogo statskogo sovetnika Vaganova. 1889 g. [The Main Provisions on the Arrangement and Colonization of the Murghab Sovereign's Estate, Developed by the Commission chaired by the State Councilor Vaganov. 1889]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 71, l. 67-71.
14. Otnoshenije upravljajushchego Departamentom udelov voennomu gubernatoru Semirechenskoj oblasti. 1890 g. [The Appeal of the Head of the Department of Appanages to the Military Governor of the Semirechye Province. 1890]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 132.
15. Otnoshenije upravljajushchego Murgabskim gosudarevym imenijem voennomu gubernatoru Semirechenskoj oblasti. 1890 g. [The Appeal of the Manager of the Murghab Sovereign's Estate to the Military Governor of the Semirechye Province. 1890]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 133-134.
16. Programma podrobnoj revizii Murgabskogo gosudareva imenija. 1909 g. [Program of Detailed Revision of Murghab Sovereign's Estate. 1909]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 81, d. 164, l. 5-6.
17. Proshenije taranchinskogo obshchestva pri chetvertom reguljatore. 1906 g. [Petition of the Taranchi Society Under the Fourth Regulator. 1906]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 119-119 r.
18. Raport agronoma N.M. Studenova upravljajushchemu Murgabskim gosudarevym imenijem. 1906 g. [The Report of Agronomist N.M. Studenov to the Manager of the Murghab Sovereign's Estate. 1906]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 111-118.
19. Raport ispravljajushchego objazannosti upravljajushchego Murgabskim gosudarevym imenijem v Glavnoje upravlenije udelov. 1909 g. [The Report of the Acting Manager of the Murghab Sovereign's Estate to the Main Administration of Appanages. 1909]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 125.
20. Raport upravljajushchego Murgabskim gosudarevym imenijem v Glavnoje upravlenije udelov. 1902 g. [The Report of the Manager of the Murghab Sovereign's Estate to the Main Administration of Appanages. 1902]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 5-6.
21. Raport upravljajushchego Murgabskim gosudarevym imenijem v Glavnoje upravlenije udelov. № 468. 1904 g. [The Report of the Manager of the Murghab Sovereign's Estate to the Main Administration of Appanages, no. 468. 1904]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 38-39.
22. Raport upravljajushchego Murgabskim gosudarevym imenijem v Glavnoje upravlenije udelov. № 469. 1904 g. [The Report of the Manager of the Murghab Sovereign's Estate to the Main Administration of Appanages, no. 469. 1904]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 27-28.
23. Raport upravljajushchego Murgabskim gosudarevym imenijem v Glavnoje upravlenije udelov. 1906 g. [The Report of the Manager of the Murghab Sovereign's Estate to the Main Administration of Appanages. 1906]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 109-110.
24. Spravka po 7 deloproizvodstvu Glavnogo upravlenija udelov. 1903 g. [Note of the 7th Office of the Main Administration of Appanages. 1903]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 8-9.
25. Tikhomirov M.N. *Prisojedenenije Merva k Rossii* [The Annexation of Merv to Russia]. Moscow, Vost. lit. Publ., 1960. 239 p.
26. Keating J. *On Arid Ground. Political Ecologies of Empire in Russian Central Asia*. Oxford, Oxford U. P., 2022. 252 p.

Information About the Author

Dmitry V. Vasilyev, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of History, Institute of Humanities, Moscow City University, 2-j Selskhozjajstvennyj Proyezd, 4, 129226 Moscow, Russian Federation, dvvasiliev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>

Информация об авторе

Дмитрий Валентинович Васильев, доктор исторических наук, доцент, профессор, департамент истории института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, 129226 г. Москва, Российская Федерация, dvvasiliev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>